

66. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9905. Л. 25.
67. СПб ведомости № 342 от 13 декабря 1904 г.
68. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9905. ЛЛ. 26–28, 32.
69. См. подробнее: *Пашкова Т. И.* «Здесь нужна бескорыстная любовь и гнетущая душевная боль отцов и матерей за благо и лучшее будущее своих детей...» (К вопросу о возникновении родительских организаций в петербургских гимназиях) // Вестник Тверского государственного университета. № 19. 2011. Серия: «История». 2011. Вып. 3. С. 45–46.
70. См. подробнее: *Пашкова Т. И.* Учащиеся средних учебных заведений Петербурга в первые месяцы революции 1905 г. // Политическая история России века: К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: Сб. науч. трудов. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. С. 95–100.
71. См. например: ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Т. 4. Д. 10234. ЛЛ. 4–4об.
72. Русь № 36 от 12 февраля 1905 г.; ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 17912. Л. 22, 24об; РГИА. Ф. 733. Оп. 166. Д. 810. ЛЛ. 6–8; ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 17912. Л. 15, Ф. 276. Оп. 1. Д. 2734. ЛЛ. 3–4; Новое время № 10395 от 12 февраля 1905 г., № 10400 от 17 февраля 1905 г., Русь № 37 от 13 февраля 1905 г., № 41 от 17 февраля 1905 г., № 47 от 24 февраля 1905 г., ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9905. ЛЛ. 53, 57 и др.
73. Вестник воспитания. 1905. № 5. Хроника. С. 96–97; Русь. № 79 от 28 марта 1905 г., № 84 от 2 апреля 1905 г.
74. См. подробнее: *Пашкова Т. И.* «Здесь нужна бескорыстная любовь...». С. 49.
75. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 9906. Л. 54.
76. Дальнейшая история взаимоотношений школы и семьи рассмотрена в статье: *Пашкова Т. И.* «Здесь нужна бескорыстная любовь и гнетущая душевная боль отцов и матерей за благо и лучшее будущее своих детей...» (к вопросу о возникновении родительских организаций в петербургских гимназиях).

Т. Г. Фруменкова

**ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА (1798–1860)
КАК ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ
И ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ**

Императрица Александра Федоровна (урожденная принцесса Фридерика Шарлотта Вильгельмина Прусская) стала женой великого князя Николая Павловича в 1817 г. На следующий год она родила первенца — великого князя Александра Николаевича, будущего императора Александра II (всего имела 7 детей). В конце 1825 г., после вступления на престол Николая I, Александра Федоровна получила титул российской императрицы.

По традиции, сложившейся к тому времени с легкой руки Екатерины II, императрице полагалось патронировать благотворительные заведения. Достойной преемницей Екатерины в этом отношении стала императрица Мария Федоровна, жена Павла I, мать императоров Александра и Николая. В мае 1797 г. венценосный супруг объявил ее «главноначальствующей над воспитательными домами в обеих столицах». Мария Федоровна, женщина умная и энергичная, была не чужда, как считают многие историки, и стремлений к государственной власти, но обстоятельства вынудили ее ограничиться сферой благотворительности, зато здесь она развернулась в полную силу. Императрица взяла под полный контроль не только все заведения, возникшие при Екатерине и И. И. Бецком, но и создала много новых.

Мария Федоровна также несколько скорректировала складывающуюся традицию императорской благотворительности. После гибели Павла I вдовствующая императрица вовсе не ушла в тень, а продолжала оставаться главой ведомства, обращаясь к императору-сыну лишь с формальными предложениями об утверждении своих решений. В тени благотворительной деятельности на протяжении царствования Александра I находилась как раз его жена императрица Елизавета Алексеевна, что, вероятно, было связано с особенностями характера обеих представительниц императорской фамилии, а также отношений между супругами.

И Николай Павлович, и Александра Федоровна вовсе не походили на супружескую пару предыдущих императоров, но после их утверждения на престоле ситуация почти не изменилась до осени 1828 г., до смерти Марии Федоровны, скончавшейся 24 октября 1828 г.* В 1826 г. Александра Федоровна по статусу обзавелась своей канцелярией [1]. В 1827 г. в ее управление были переданы женские учебно-воспитательные учреждения: столичный Патриотический институт, созданный императрицей Марией для дочерей офицеров, осиротевших во время войны с Наполеоном, а также Полтавский институт, который ранее состоял под покровительством покойной императрицы Елизаветы Алексеевны [2]. 7 февраля следующего 1828 г. было утверждено новое положение, и Полтавское заведение было преобразовано в институт благородных девиц. Его покровительницей оставалась молодая императрица. В институте предполагалось содержать 10 пансионеров императора и 5 пансионеров Александры Федоровны. Императрица считалась хранительницей правил, по которым работал институт. Она утверждала итоги выпускных экзаменов и распределение наград [3].

В день кончины императрицы-матери были опубликованы два именных указа. Первым из них император объявил о принятии под свое покровительство всех заведений, состоявших в ведении «любимой родительницы». Николай Павлович объяснял, что пришел к такому решению, желая, чтобы воспитательные и благотворительные учреждения, находившиеся под управлением скончавшейся императрицы, во главе с воспитательными домами, продолжали «действовать как доселе на пользу государства». Состав и порядок управления всех заведений оставался без изменения, а их начальники должны были представлять императору все дела, ранее восходившие к его матери. Для доклада по этим делам и объявления своих повелений Николай назначал особого статс-секретаря по делам управления учреждений императрицы Марии. Второй указ передавал «канцелярию оных учреждений» в ведомство статс-секретаря Марии Федоровны Г. И. Вилламова с наименованием ее **IV отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии** [4]. Указ «о принятии под покровительство... императрицы Александры Федоровны заведений, состоявших под покровительством... Марии Федоровны» Николай подписал только 6 декабря 1826 г. Император ссылаясь при этом на волю самой покойной императрицы, но подчеркивал, что «управление сих заведений продолжаться будет на основании указов наших, на 26 день октября сего года состоявшихся» [5].

Таким образом, основные нити управления Николай I сохранил в своих руках. Как деликатно сообщают авторы одного из дореволюционных изданий, в 1828 г. император принял воспитательные дома, как и другие учреждения, под свое покровительство, передав «ближайший надзор» Александре Федоровне [6].

Документы воспитательных домов не зафиксировали значительного участия императрицы в повседневной жизни воспитательных домов. Тем более, что через несколько лет, в 1834 г., Петербургский дом был поделен на две части по половому признаку. Всех

* Даты даются по старому стилю (юлианскому календарю).

девочек собрали в Петербурге, в квартале на Мойке, а мальчиков вывезли в Гатчину, в Гатчинский воспитательный дом. Императрица строго следила за тем, чтобы в квартале воспитательного дома на Мойке не появлялись посторонние мужчины. По указу от 25 июня 1837 г. всех сирот и подкидышей неизвестного происхождения полагалось отправлять на воспитание в деревни, а впоследствии обращать в казенных крестьян. Возвращать в городские воспитательные дома их разрешалось только в качестве прислуги [7]. Даже посещал городские и загородные учреждения воспитательного дома обычно сам император или члены императорской фамилии. Так, в 1838 г. Николай Павлович «изволил осчастливить» своим посещением Сиротский институт Гатчинского воспитательного дома, в 1855 г. грудные отделения Петербургского дома посетила великая княгиня Елена Павловна, в 1856 г. там же побывал император Александр II, в 1857 г. — великая княгиня Мария Николаевна, а в 1858 г. — ее сестра Ольга Николаевна [8].

В воспитательном доме императрица Александра Федоровна следила за работой созданного Марией Федоровной класса кандидаток, которые по контрактам отправлялись домашними учительницами в помещичьи и купеческие семьи по всей стране. Ее решение после 1828 г. требовалось на распределение выпускниц класса по разрядам (от разряда, как правило, зависело жалование молодой учительницы), на отпуск средств на награждение отвечавших за их воспитание классных дам, на разрешение одной из девушек не ехать в провинцию, как предполагали правила, а остаться в столице, на отправление воспитанниц по заявкам крупных чиновников [9]. В 1830 г. императрица одобрила проект инспектора классов Гатчинского воспитательного дома о создании в учебно-воспитательном заведении музыкального класса, а в 1840-е гг. уделяла значительное внимание музыкальному классу Сиротского института Петербургского дома [10]. Александра Федоровна утверждала бывших питомцев дома на должности в подведомственных ей сиротских учреждениях [11].

Даже эта краткая информация свидетельствует, что императрица проявляла особенный интерес к деятельности женских учебных заведений. По сведениям ее биографа, Александра Федоровна удостоивала все доклады статс-секретарей «внимательными резолюциями», часто посещала женские институты, лично присутствовала на экзаменах в них. В 1850-е гг., не имея возможности по состоянию здоровья лично часто бывать в женских учебных заведениях, императрица направляла в них цесаревну Марию Александровну и свою дочь великую княгиню Марию Николаевну, но сохраняла за собой высшее управление: направляла рескрипты, просила доводить до ее сведения «по всем частям воспитания» [12].

При Александре Федоровне количество закрытых сословных женских учебных заведений значительно возросло. Неслучайно 1 января 1845 г. император утвердил «Положение об управлении женскими учебными заведениями». Согласно положению, «постоянно возрастающее» число институтов и училищ привело к необходимости создать для управления ими под покровительством императрицы Главный совет женских учебных заведений, которому подчинялись петербургские, московские и губернские учреждения, переданные от Марии Федоровны и возникшие при Александре Федоровне. К тому времени в России насчитывалось 34 женских учебных заведения [13], причем значительная часть из них была создана или преобразована при участии последней императрицы.

Среди них следует назвать женские Сиротские институты для обер-офицерских дочерей, появившиеся при воспитательных домах в обеих столицах после холерной эпидемии 1830 — 1831 гг., а также Александринский сиротский дом для дочерей разночинцев, влившийся в состав Петербургского воспитательного дома в 1842 г. Последнее учебно-воспитательное заведение с педагогическим уклоном [14], названное ее именем, скорее всего, было особенно дорого императрице.

Кроме заботы о распространении закрытых сословных женских учебных заведений, императрица Александра Федоровна имела, по крайней мере, еще одну серьезную заботу в деле благотворения. 27 декабря 1839 г. Николай I подписал «Положение о детских приютах». В Европе приюты появились в XVIII в., а в Петербурге первый приют был открыт в 1837 г. Идея создания приютов как заведений дневного пребывания детей бедных родителей завоевала признание в кругах столичных благотворителей, близких ко двору. Их появление диктовалось объективными условиями жизни в больших городах, вовлекавшими женщин в сферу производства. Августейшей покровительницей приютов стала Александра Федоровна, что прекрасно вписывалось в уваровскую триаду, которую именно в эти годы полагалось положить в основу воспитания русского юношества. В самом деле, предполагалось организовать сеть заведений для детей беднейших слоев городского населения, т. е. для народа. Инициатором их создания выступала императрица, и таким образом самодержавная власть проявляла заботу о своем народе. В основу воспитания в приютах закладывалось «образование в вере», ознакомление воспитанников с начальными истинами православия. Уже в «Положении» содержится характерное для николаевской эпохи противопоставление России и Запада, опыт которого отвергался, так как приюты в России «должны быть истинно русскими, соответствующими русскому духу, русским потребностям, и степени народного просвещения» [15].

Александра Федоровна была лично заинтересована в том, чтобы возглавить систему новых детских учреждений. Воспитательные дома, составлявшие при Марии Федоровне основу призрения детей-сирот, после смерти матери, как уже отмечалось, были радикально преобразованы ее коронованным сыном. Так как всех детей неизвестного происхождения стали отправлять на воспитание в крестьянские семьи, то в столицах уже к концу 1840-х гг. их воспитанников не осталось. Покровительство закрытым учебным заведениям для сирот из высших и средних сословий не обеспечивало широких масштабов деятельности и не являлось олицетворением связи государя с простыми людьми. Супруга Николая I оказывала им поддержку, но, как представляется, все-таки по обязанности, без той энергии и самоотдачи, какой отличалась Мария Федоровна.

Иным делом стала для нее система приютов: это было ее собственное детище, как нельзя лучше подходившее для демонстрации единства монархии и народа. Александра Федоровна получила выгодную возможность противопоставить себя предшественницам как сторонницу иных педагогических идей. В основе деятельности И. И. Бецкого и Екатерины II лежали принципы воспитания детей в изоляции от среды. При Марии Федоровне они значительно смягчились, но главным объектом ее забот по-прежнему оставались закрытые учебно-воспитательные заведения. Организаторы же детских приютов подчеркивали опору на традиции семейного воспитания. Приюты были рассчитаны исключительно на дневное пребывание детей от 3 до 10 лет, они считались не училищами, а «пристанищами», временно заменявшими семью. Учить детей полагалось только грамоте, началам арифметики, Закону Божьему и хоровому пению, по преимуществу церковному. От смотрительниц требовали уважительного отношения к родителям питомцев. Комитет главного попечительства детских приютов долго сопротивлялся появлению при них сиротских отделений [16].

Система действовала на основе благотворительности, к которой от имени монарха побуждала зажиточное население империи местная администрация. К концу царствования Николая I она достигла значительных размеров. В 1851 г. в стране было 74 приюта с 7980 питомцами [17]. После смерти Николая и кончины в 1860 г. Александры Федоровны детские приюты были реформированы и утратили особое положение в системе благотворительных учреждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. 2ПСЗ. Т. 1. № 247.
2. Там же. Т. 2. № 1012, 1382.
3. Там же. Т. 3. № 1777.
4. Там же. Т. 3. № 2379, 2381.
5. Там же. Т. 3. № 2490.
6. Монографии учреждений ведомства императрицы Марии. СПб., 1880. С. 241.
7. 3ПСЗ. Т. 12. Отд. 1. № 10390.
8. РГИА. Ф. 758. Оп. 18. Д. 596. Л. 1; ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 109. Л. 1, 9, 13, 15.
9. РГИА. Ф. 758. Оп. 20. Д. 467. Л. 73 — 73 об., 135; д. 492. Л. 3; д. 560. Л. 20.
10. Там же. Оп. 20. Д. 587. Л. 48; оп. 21. Д. 292. Л. 16 — 19.
11. Там же. Оп. 18. Д. 928. Л. Оп. 20. Д. 552. Л. 1.
12. Трубочев С. Александра Федоровна // РБС. Т. 1. Аарон — Александр II. СПб., 1896. С. 118–120.
13. 2ПСЗ. Т. 20. Отд. 1. № 18577.
14. Педагогический университет им. А. И. Герцена. От Императорского воспитательного дома до РГПУ. СПб., 2007. С. 51–53.
15. 2ПСЗ РИ. Т. 14. Отд. 1. № 13031.
16. РГИА. Ф. 763. Оп. 2. Д. 114. Л. 1–40.
17. Там же. Оп. 1. Отчеты. Д. 8. Л. 116.